

СПИНОЙ ВПЕРЁД

РАССКАЗ

Светлана БЛОХИНА

Родилась в 1990 году в городе Торжке.

Филолог, маркетолог, публиковалась в журналах «Юность», «Краснодар литературный», «Невский альманах», «Литературной газете» и др. Дипломант Всероссийской поэтической премии имени Андрея Дементьева, лауреат конкурса «Зелёный листок», IX международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» им. Л. Ю. Севера. Член Союза российских писателей. Есть два поэтических сборника: «Поколение Z» (М., 2022), «Герои антиутопий» (М., 2023). Живёт в Твери.

«Начинаем бежать».

И я побежала. Встала и побежала.

Если бы я не побежала, так и осталась бы лежать с болью в обнимку. Боль только разрасталась, проходила от шеи до пят, захватывала кольцами пальцы, они сразу начинали холодеть и дёргаться.

Как говорил Саша, то, что сделаешь в первую неделю, и определит твой вектор. Когда отрубают руку, кровь капает, и инстинктивно её стараешься остановить.

Ну, если это позволительно, конечно.

«Бежим спиной вперёд».

Ничего не вижу, ничего не слышу. Бегу.

Саша не умер, он уехал на Кавказ, как и хотел, пропал и всех разыграл. Это бег спиной вперёд.

Ты подсматриваешь через правое плечо, прекрасно понимая, куда движется мир, но упорно уверяешь себя в обратном.

Половина таблетки «Атаракса» — это бежать спиной вперёд. Притупляя ощущения, лишь усложняешь дистанцию: всё

равно вылезет, но в другой форме и в тот момент, когда совсем не ожидаешь.

Я пошла на тренировку по боксу на следующий день после известия. Инстинктивно пытаешься жить по прежним сценариям. Да, как раньше — не получится. Но если повторять то, к чему привык, становится проще.

Это самая первая помощь себе.

Я, конечно, предупредила тренера, что произошло. Если что, пусть понимает причину. Он вообще очень внимательный, но о смерти близкого всегда надо предупреждать.

Это огромная рана, дыра от пушечного выстрела, но невидимая другим. И предупреждаешь, чтобы в эту рану ненароком не накидали мусора, грязи и острых предметов.

Слёз уже тогда не было, если не напоминать; была боль — та самая, тупая, настойчивая, охватывающая и держащая.

Её подпитывало чувство вины: это я писала о смерти, я её призвала, это я не была рядом, я наговорила там, где надо было промолчать, я недоговорила там, где следовало бы сказать, — эта недосказанность и убила его. Я убила его — не случайностью.

Как вообще сердечный приступ может быть случайностью? Тысячи моих слов и обид попали в его сердце, и сердце не выдержало, это я его разрушила. Я, я, я.

«Правым боком, приставным шагом и наносим удары».

С каждым движением руки это провинившееся «я» всё больше выходило.

Никто не виноват. Никто не разрушал сердце. Даже тот, кто наносил удары. Это только моя тренировка человечности.

На похоронах мне стало плохо. Я ничего не ела в тот день и накануне. В какой-то момент стала терять сознание. Можно ли ударить себя апперкотом? У меня не получилось, но есть множество других способов: например, вовсе не есть. Пусть только это поганое «я» снова ползет.

Тогда, на похоронах, кто-то меня подхватил и держал, пока голова не пришла в норму. Чьё-то плечо, рука. Это заставило почувствовать себя живой.

Что было бы, если бы и его не было? Пустота.

«И с другой стороны».

С другой стороны, какой же эгоизм — даже в этом случае думать о себе. Смерть приходит тоже в своём порядке, как в стихотворении у Рождественского:

...Историю Человечества

до собственного конца

каждый проходит по времени.

Каждый проходит.

Каждый...

Слёз уже тогда не было, если не напоминать; была боль — та самая, тупая, настойчивая, охватывающая и держащая.

Скатываясь в символизм, ты это видишь: с тобой начинают разговаривать вещи, музыка звучит с подтекстом, солнце светит или не светит тоже не просто так. И кажется, сразу стало всё понятно, стоило ему уйти. Стоило ли? А вообще проще, если ругались и спорили в жизни, потому сейчас только держим дыхание. Держим дыхание.

«Идём гусиным шагом, кто последний сядет — сто отжиманий».

Каждый проходит, каждый.

Идти гусиным шагом — это больно. У меня в апреле был перелом ноги, я вернулась на тренировки спустя месяц после этого, хотя надо было минимум два, как сказал врач. Вернулась раньше из упрямства и желания наказать себя (опять!) за неуклюжесть. Поначалу было больно, я не говорила об этом никому, потом адаптировалась. Привыкла ко всему, кроме гусиного шага, он словно прибавляет тебя к полу, отправляя вес тела именно на ноги, без распределения. Это каждый раз больно, но сейчас больно по-особенному, заслуженно. Это я, я, я.

«Расходимся по залу в шахматном порядке».

Я не умею играть в шахматы. Весь шахматный символизм, рассыпанный у меня в стихах, — о любви или о политике. Саша это понимал.

И считывал сразу же. Кто будет понимать теперь? Что за шахматный такой порядок, когда равное отдаление есть правило человечности — люди не мешают друг другу, не задевают и в целом безразличны. Отвратительный порядок. Я не буду учиться играть в шахматы. Зачем? Вряд ли начну понимать любовь или политику лучше.

Потому что такой порядок. Непорядочный.

Каждый проходит. Каждый. И понимайте как хотите.

«Бинтуем левую руку».

Да, именно так, как и сказал Саша: если капает кровь с отрубленной руки, нужна первая помощь. А потом — помощь врачей. А потом?

Помощь, помощь, помощь.

А потом ты остаёшься без помощи, без перевязки и без руки.

И тогда уже становится больно по-настоящему.

А когда бинтуешь руку в боксе, ты бинтуешь всю кисть, проводя бинт между пальцев, сжимая их, — в том месте, где только что была боль, она начинает тогда отступать, ты круг за кругом заботливо облачаешь руку в плотное чёрное одеяние, и боль падает на пол кольцами, теми самыми, которые не подпускали кислород к подушечкам пальцев.

Бинтовать — это хорошо. Сверху бинта перчатки, и это твой панцирь, скрывающий и защищающий. Если боль заставляет

Скатываясь в символизм, ты это видишь: с тобой начинают разговаривать вещи, музыка звучит с подтекстом, солнце светит или не светит тоже не просто так.

покориться, то перчатки, наоборот, заставляют действовать, принимают удар на себя и выводят эту боль прочь, через руку, через движение.

«Строимся, и я скажу, кто с кем будет спарринговать».

«Хоть бы не с девочкой, хоть бы на грушу», — я не хотела быть мягкой, не хотела контролировать себя, не хотела работать в касание. Зачем делать вид, что наносишь удары, когда на самом деле никогда не ударишь? Если на тебя нападут, что ты сделаешь по привычке? Прикоснёшься? Потенциальный маньяк расценит это как знак согласия. В моих кошмарах нападающий — всегда потенциальный маньяк. Хотя на самом деле человеческое нападение происходит в касание. Неловкое, ненарочное — руки, плеча, колена. И человек становится близким. И сразу хочется касаться. И потом — больно. Нападение всегда происходит бессознательно для двоих. И непонятно, с чьей стороны.

«Ты со Светой, только защищаешься, она — любые удары».

Меня поставили с мальчиком-подростком Ваней. Ему надо защищаться, мне — бить. Я подобна потенциальному маньяку из моих кошмаров. Тоже потенциальных, конечно. Это я представляю, что кошмары должны быть такими. На самом деле кошмар во сне — это когда пусто. Когда приходит это «пусто» и ты цепенеешь. Наверное, это и есть смерть: «Объект теряет массу, и мелкие объекты начинают от него как бы отходить, и форма утрачивается». Это цитата из Саши. Кажется, я их понимаю по-своему. «У тебя пелена субъективности», — это опять Саша.

А за Ваню неловко. Его будет бить взрослая женщина на глазах у других мальчиков. И ему нельзя бить в ответ.

— Отвечай мне.

Он, кажется, обрадовался даже и замахнулся. Я увернулась и ударила в лицо: он в шлеме, можно не в касание. Ваня пошатнулся.

Я ударила ещё и ещё. Сбоку, в живот, снова прямо. И ещё улыбалась при этом. Апперкот, в корпус, боковой.

Как будто бьёшь саму смерть, не в его лице, конечно, в принципе.

У меня в целом слишком много тестостерона, мне так сказали.

Хотя кто определяет его количество? Малоознакомый человек, который и символ шахмат у меня понять не сможет? Это абсурд!

В корпус.

Апперкот.

Абсурд.

Абсурд.

На самом деле кошмар во сне — это когда пусто. Когда приходит это «пусто» и ты цепенеешь.

В корпус.

Ваня нервничал и не мог ответить. Это было больше похоже на хаотичное махание руками, как пугало. Я даже почувствовала некое упоение этой его юношеской злостью, он терял контроль, открывался, и можно было лишь раззадоривать и наносить удары.

Сбоку, в живот, снова прямо.

Апперкот, в корпус, боковой.

Попади в меня хоть раз, мальчик.

Ничего ты не сделаешь.

Я быстрее. Я спокойнее. Я тебя даже не подпущу.

Апперкот.

В корпус.

Боковой.

Он так ни разу и не попал.

Это уже не тестостерон, это женская реакция, коварная и хладнокровная.

Познакомься с ней, Ваня.

Малознакомые люди всегда неправы.

«Благодарим соперника и снимаем амуницию».

Раунд окончен, мы остановились и легко ударили друг друга по перчатке в знак примирения. Это всегда так неискренне смотрится, люди тупят взор и формально касаются друг друга формальной кожей. В благодарность ли?

Ваня тяжело дышал и зло смотрел на меня из недр шлема.

Впервые столкнулся с коварным женским хладнокровием. Это будет ещё неоднократно, Ваня. И в разы больше, Ваня. И уже в скором будущем. А ещё — бессознательно для двоих. И непонятно, с чьей стороны.

— Ты как?

— Жить буду.

Жить будет.

Это уже замечательно.

Вполне порядочно со стороны порядка.

Когда ушёл Саша (я всё ещё говорю «ушёл», а не «умер»), я сразу поняла и сразу поверила. Сразу же. И сразу нахлынула боль.

Но я побежала...

Это уже не тестостерон,
это женская реакция, ко-
варная и хладнокровная.
